

В. С. Кузнецова

Vera S. Kuznetsova

О ЧУДИ СИБИРСКОЙ В ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ И УСТНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

ON THE SIBERIAN CHUD IN CHRONICLE SOURCES AND ORAL NARRATIVES

Резюме. В народных представлениях чудь — мифический народ, проживавший на территории Европейского Севера, Урала и Сибири в древние времена. В статье представлены результаты рассмотрения повествований о чуди в сибирских летописях, былинах и в зафиксированных в XIX — начале XX в. на территории Западной Сибири устных рассказах. Выявлен представленный в русских сибирских преданиях о чуди набор мотивов и факторы, определяющие ареалы их бытования на территории Сибири. Предание о чуди было принесено на Урал и в Сибирь из европейской части страны, точнее, с Русского Севера, однако сибирские варианты таких повествований (летописные и устные) органично связаны с местной географией, приурочены к местным сибирским реалиям и археологическим памятникам (древним курганам, городищам), местоположение которых и определяет ареалы бытования поверий о чуди на территории Сибири.

Ключевые слова: русский фольклор, исторические предания, чудь, русские сибирские записи.

Информация об авторе: Вера Станиславовна Кузнецова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск, v_s_kuznetsova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>.

Для цитирования: Кузнецова В. С. О чуди сибирской в летописных источниках и устных повествованиях // Словесность и история. 2026. № 1. С. 170–185.
<https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-1-170-185>

Abstract. In folk beliefs the Chud are an ancient mythical people that lived in the territory of the European North, the Urals, and Siberia. The article presents the results of a study of narrations about the Chud in Siberian chronicles, epics, and oral prose stories that were recorded in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries. The author identified a set of motifs that are present in Siberian oral legends about the Chud and factors that determine the areas where stories about the Chud existed in Siberia. The legend about the Chud was brought to the Urals and Siberia from the European part of Russia, specifically from the Russian North. But the Siberian versions of such stories (found both in chronicles and in oral sources) are organically connected with the local geography and are confined to local Siberian realities and archaeological monuments, such as ancient burial mounds and settlements. These locations determine the areas where beliefs about the Chud existed in the territory of Siberia.

Keywords: Russian folklore, Chud, historical sagas, Siberian Russian texts.

Information about the author: Vera S. Kuznetsova, PhD in Philology, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, v_s_kuznetsova@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>.

For citation: Kuznetsova, V. S. (2026). 'On the Siberian Chud in Chronicle Sources and Oral Narratives', *Slovesnost' i Istorija [Texts and History]*, 1, 170–185.

В устных исторических преданиях чудь — «старобытные» жители территорий Русского Севера, Урала и Сибири, населявшие эти места до времени русского заселения. Скрываясь от преследования, чудь со всеми своими сокровищами прячется в вырытых ими ямах-жилищах, подрубают удерживающие крышу столбы и погибает. Погребенные с людьми клады невозможно добыть, так как они «закляты» чудью. Земляные бугры и курганы называются «чудскими могилами». Существуют разные версии происхождения названия «чудь», наиболее вероятной ученые считают принадлежность этого слова к праславянскому *tjudjъ* — ‘чужой’, в народной этимологии, в русских диалектах слово *чудь* по созвучию сблизилось со словами *чудак*, *чудной*, *чудо*, испытав на себе их семантическое влияние¹; так, например, в словаре В. И. Даля рассказ о чуди помещен в словарной статье *Чудо* [Даль, с. 612].

Рассказы о чуди известны как в устной традиции, так и в письменных источниках — летописях. В «Повести временных лет» чудь упоминается в легенде о разделении земли «по потопе» между сыновьями Ноя как народ, живущий на земле, доставшейся Иафету, наравне с русскими, мерей, муромой, весью, мордвой, пермью, печерой, угрой и другими народностями, а также в числе народов, которые платят дань Руси и говорят на своих языках [ПВЛ, с. 10, 146]; летопись повествует о том, что чудь вместе с русскими призывает к себе князей [ПВЛ, с. 13, 149], принимает участие в походе Олега на Царьград [ПВЛ, с. 14, 150] и в других событиях. Для русских летописцев чудь — прибалтийско-финское население, жившее между Чудским озером и Варяжским (Балтийским) морем. Наряду с прибалтийской чудью «Повесть временных лет» отдельно называет «заволочскую чудь»². Заволочье — область к востоку от Онежского озера, в бассейнах рек Онеги и Северной Двины со стоком в Белое море, территория, на которой контактировали и смешивались разноплеменные группы финно-пермского населения. С этой местностью связано наибольшее число свидетельств о пребывании здесь чуди, которая, согласно выводам исследователей, не была этнически однородной [Лашук].

О чуди в Сибири упоминают сибирские летописи XVII в. Согласно летописным свидетельствам, чудь прежде жила по всей Сибирской земле, а как называлась — неизвестно, в памяти не сохранилось, в писаниях не найдено.

¹ О происхождении этнонима *чудь* и связанных с ним представлениях см., например: [Агеева; Березович].

² «В Афетове же части сидят русь, чюдь, и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летъгола, любь» [ПВЛ, с. 7–8, 143–144].

Так, в тексте повести «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии» из Румянцевского летописца при описании земли Сибирской сообщается: «обще Сибирь именуется Сибирь (...) А как сибир[р]стии гради имены нарицалися, и се неведамо и ни от кого же неиспытно, понеже бо *живяше по всей Сибирской земли чюдь*, посему и писания несть (курсив мой. — В. К.) [Сибирские летописи 1987, с. 32, 38]. В повести «О Сибири, чего ради вся страны сия прозвася Сибирь» из Есиповской летописи (Титовский вид) говорится: «Прежде бо *живяше чюди по всей Сибирстей земли*, а како нарицашешя, и того в память никому не вниде, ни писания обретох» [Там же, с. 81, 108 (Забелинская редакция), 119 (Лихачевская редакция)]; то же — в Есиповской летописи по Сычевскому списку [Сибирские летописи 1907, с. 117], по списку Ундольского [Там же, с. 185], в Сибирском летописном своде согласно Головинской редакции [Сибирские летописи 1987, с. 179].

В летописях сообщается, в частности, что чюдь жила по реке Иртышу. Повесть «О сибирских царех и князех» из Есиповской летописи (Титовский вид) рассказывает: «Царь же Чингий, собрав воинство многое, и вооруженна и отпусти его *по реце Иртышу, идеже живяху чюдь*» (курсив мой. — В. К.) [Сибирские летописи 1987, с. 81]; то же — в Есиповской летописи по Сычевскому списку [Сибирские летописи 1907, с. 114], по списку Ундольского [Там же, с. 182] и по Погодинскому списку [Там же, с. 272], в Сибирском летописном своде согласно Головинской редакции [Сибирские летописи 1987, с. 179], в Строгановской летописи по списку Спасского [Сибирские летописи 1907, с. 18].

Хотя в одних летописных свидетельствах говорится, что неизвестно, как назывались чудские народы, в других некоторые из них названы. Так, Есиповская летопись (по Бузуновскому списку) рассказывает, что под властью царя Кучума находились татары, остяки / ханты, вогулы / манси и другие: «И в мале времени собирашя к нему (Кучуму. — В. К.) множество Татар и Остяков и Вогул и *иных Чюдских языков*³, которые обретаются под ево державою» (курсив мой. — В. К.) [Сибирские летописи 1907, с. 298]. В летописях обнаруживается еще одна характеристика чудских народов. В повести «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака»⁴ — кратком рассказе о присоединении Сибири, известном в науке под названием «Есиповская летопись по Головинскому списку», — чюдь описывается как

³ «Язык» в 3-м знач. — *устар.* 'народ', 'этнос'. Нашествие двенадцати языков (об Отечественной войне 1812 года), см.: [Ожегов, с. 794].

⁴ О памятнике см.: [Ромодановская], издания и литературу см. там же.

«заблудящие⁵ веры»: «От царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство Сибирское, в нем же живяше царь Кучюм, вера же их бусурманская Мааметова закона, а инии языцы кумиром служаху и идолом поклоняхуся, иные же Чюдь заблудящие веры, и закону [они] не знаху» [Сибирские летописи 1907, с. 307].

Таким образом, из сибирских летописных преданий узнаем, что в давние времена вся Сибирь была населена чюдью, что проживала она, в частности, по течению Иртыша, что в сибирских летописях собирательным этнонимом «чудь» объединены разные проживавшие на этой территории народы и что веры они были, с точки зрения летописца, «заблудящей» — неправильной, ошибочной.

Вероятно, самое раннее среди устных сибирских свидетельств о чуди представлено в Сборнике Кириши Данилова (сер. XVIII в.) — первом в истории русской словесности собрании памятников устного народного творчества (былин, исторических песен, баллад, духовных стихов), составленном молотовым мастером Нижнетагильского завода Демидовых, народным певцом и сказителем Киришей Даниловым⁶. Былина под названием «Добрыня чудь покори» из этого собрания [Древние российские стихотворения, с. 106–110] рассказывает, как в стольном городе Киеве во время пира «у ласкова сударь князя Владимира» тот обратился к своим гостям с вопросом:

Есть ли в Киеве тако(й) человек
Из сильных-могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальну службу заочную,
Кто бы съездил в орды немирныя
И очистил дороги прямоезжия
До моево тестя любимова,
До грозна короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил *чудь белоглазую*,
Прекротил сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорских
И тех калмыков с татарами,
Чукши все бы и алюторы? (курсив мой. — В. К.)
[Древние российские стихотворения, с. 106]

Гости князя «втапоры большой за меньшева хоронится, / А от меньшева ему, князю, ответу нет». Вызвался только богатырь Добрыня Никитич. Далее сообщается, что Добрыня Никитич прощается со своей матушкой Афимьей

⁵ «Заблудящий» во 2-м знач. — ‘неправильный’, ‘неистинный’, ‘ошибочный’, в следующем контексте: «Чюдь — заблудящие веры, и закону не знаху (Есиповская летопись XVII в.)», см.: [Словарь русского языка XI–XVII, с. 135].

⁶ О Сборнике и его «авторе-составителе» Кирише Данилове см. [Путилов; Горелов; Байдин].

Александровной, с молодой женой Настасьей Никулишной и отправляется в путь, а выполнив наказ князя, возвращается в Киев, является в палаты князя Владимира с известием об одержанных победах и прерывает свадьбу своей жены с Алешей Поповичем:

«Сслужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
Съездил в дальны орды немирныя
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимова,
До грознова короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил *чудь белоглазую*,
Прекротил сорочину долгополую
И тех черкас петигорских,
А и тех калмыков с татарами,
Чукши все и алыторы!»

⟨...⟩

«Гой еси, сударь мой дядошка,
Ласково со(л)нцу Владимир-князь!
Не диво Алеши Поповичу,
Диво князю Владимиру —
Хочет у жива мужа жену отнять!»

⟨...⟩

Взял за руку ее и вывел из-за убранных столов.

[Древние российские стихотворения, с. 109]

Варианты былины с этим сюжетом — Муж на свадьбе своей жены — обычно имеют названия «Добрыня и Алеша» или «Неудавшаяся женитьба Алеши». Отмечают, что это «одна из популярнейших былин, известная повсеместно в районах бытования русского эпоса» [Евгеньева, Путилов, с. 442]. Своеобразие варианта из Сборника Кирши Данилова в том, что мотив сватанья в нем почти не разработан; при этом более подробно описаны подвиги Добрыни; характерно в этом отношении и заглавие, под которым песня помещена в Сборнике: «Добрыня чудь покори́л» (см.: [Там же]). Во всех описывающих подвиги богатыря эпизодах повторяется перечисление его противников, как в процитированных выше фрагментах: *Чудь, сорочина, черкасы пятигорские, калмыки, татары, чукши (чукчи), алыторы (алыторцы)*. В этом перечислении, как справедливо отмечают исследователи, отложились, с одной стороны, обычные эпические представления, с другой — уральско-сибирские впечатления исполнителя (см.: [Там же]).

Рассказы о чуде известны в Сибири и в записях устной прозы, первые из которых датируются серединой XIX — началом XX века. Именно они для целей нашего рассмотрения представляют наибольший интерес. Самой ранней среди таких фиксаций является запись, сделанная на Алтае С. И. Гуляевым:

«Чудаки, чудь, так называют русские первобытных жителей Сибири, оставивших после себя одни только могильные курганы — *бугры*, с грубыми изваяниями на некоторых, изображающими подобие людей, и находящимися в буграх золотыми, серебряными и медными вещами, также костями людей и животных. Происхождение курганов русские объясняют так: *чудаки* были народ сильный и богатый, имели множество стад и жили в изобилии. Перед завоеванием Ермаком Сибири стала вдруг в разных местах тамошнего края произрастать береза. *Чудаки*, удивляясь невиданному дотоле дереву, спрашивали своих шаманов, что бы это значило? Шаманы им объяснили, что появление белого дерева предзнаменует воинов Белого Царя, которые покорят все сибирские народы. *Чудаки*, испуганные пророчеством, заживо погребли себя со всем своим имуществом, отчего в буграх и находятся разные драгоценные вещи и кости. По этой причине русские называли их чудаками, чудью, то есть *смешными, глупыми*» [Гуляев, с. 141].

Подобное приуроченное к «чудским буграм» повествование, зафиксированное в юго-западной части Томской губернии, представлено Г. Н. Потаниным:

«До прихода русских Сибирь была заселена чудью; у этой чуди было предсказание, что когда на сибирской почве вырастет белая береза, то и всей землей завладеет белый царь; когда белая береза в самом деле появилась в Сибири, чудь закопалась заживо в землю со всеми сокровищами. Поэтому бугры, в которых находят древности, и все, что в них будет найдено, называются чудскими» [Потанин, с. 149–150].

Большая часть историй о чуди в текстах западносибирских повествований о ней связана именно с курганами. Интересно, что не только в записях фольклористов, краеведов, путешественников обнаруживаются такие свидетельства (к ним мы вернемся), но и в специальной археологической литературе. В конце XIX в. при подготовке обозрения курганов разных областей Западной Сибири В. М. Флоринский, наряду с другими источниками, использовал «сведения, собранные земским начальством вследствие предписания генерал-губернатора Западной Сибири, данного в 1880 году», см.: [Флоринский, с. 48–49]. Примечательно, что присланные земским начальством сообщения о местоположении, количестве, форме и размерах курганов нередко были дополнены сведениями о бытовании приуроченных к ним народных поверий, которые связывали происхождение этих курганов с чудью. Сообщается, например, что «о происхождении курганов у крестьян Томской губернии распространена общая и всем известная легенда об исчезнувшем народе чуди. Как только начал появляться около жилищ этого народа березовый (белый) лес, чудь приняла это за предзнаменование приближения белого племени или белого царя, который должен был истребить чудское племя. Из страха такого нашествия чудь попряталась вместе со своим имуществом в вырытые землянки, насыпала на крышу их тяжелые земляные курганы, потом подрубила стойки и сама себя задавила землей. Рассказывают также, что на некоторых

курганах горят по ночам свечи, или огоньки» [Флоринский, с. 71]. О происхождении Бийских курганов «существует легенда, приписывающая их народу чуди, зарывшему себя заживо в этих могилах, испугавшись появления белой березы как признака приближения Белого царя» [Там же, с. 66]. В сообщениях о некоторых курганах Лянинской волости (Барнаульского уезда Томской губернии⁷) упоминается о появлении на них огней в виде свечи, например: «деревня *Ипатова*, в 3-х верстах от нее 1 курган в 1½ арш(ина) вышиной, окружен рвом. Крестьяне говорят, что ночью на нем показывается огонь в виде свечи» [Там же, с. 60]; или: «деревня *Широкая Курья*. На Селезневском острове, среди озера *Чаны*, от селения в 4-х верстах, 1 курган в окружности 10 сажень, вышиной 1½ арш(ина). Ночью показывается огонь (легенда крестьян). Раскапывали 30 лет назад; найден человеческий остов» [Там же].

Записи, зафиксировавшие вместе с рассказами о чуди сведения о конкретных объектах, к которым эти рассказы приурочены, представляют особый интерес. Например, о курганах в Змеиногорском уезде Томской губернии, «слывущих у русских под названием Чудских бугров», пишет историк и этнограф Н. А. Костров, сообщая при этом приуроченное к ним поверье о чуди:

«Инородцы приписывают эти могилы народу, который был *ик-каррак*, светлоглазый, голубоглазый. Русское население приписывает их *чуди*, которая в старинных наших песнях называется белоглазою. Что это был за народ — неизвестно; но русское предание, сохранившееся также у инородцев (...) говорит, что это был народ сильный и богатый, вместо лошадей у него были огромные стада верблюдов, вместо коров — сохатые. Перед пришествием русских в Сибири вдруг стала произрастать береза, о которой до той поры никто и не слышал. Удивленные белым цветом коры этого дерева, чудаки созвали своих шаманов и стали спрашивать их, что бы это значило? Шаманы отвечали, что появление белого дерева значит то, что скоро придут воины белого царя и покорят их. Чудаки пришли от этого в такой ужас, что вырыли ямы и заживо погребли себя в них» [Костров, с. 28–29].

Согласно описанию исследователя, могильные курганы, с которыми связано приведенное выше повествование, представляют собой захоронения определенного типа: «...на двухаршинной глубине от поверхности земли в каждой находится деревянный склеп, в котором лежало одно тело головою на восток; почти в каждой по четырем углам склепа стоят обожженные и необожженные горшки, наполненные иногда землею, а иногда золою расти-

⁷ По оценке исследователя, из всех округов Томской губернии наиболее подробные сведения о курганах были доставлены именно Барнаульским окружным исправником, описан и способ сбора этих материалов: «Из дела видно, что для собирания этих сведений здесь были приняты следующие меры: по официальному предписанию, данному земским заседателям и волостным правлениям, в селах и деревнях собирались крестьянские сходы и здесь, по указанию крестьян, записывались данные о месте нахождения, числе и о приблизительной величине курганов, по каждой волости и деревне отдельно» [Флоринский, с. 49].

тельного царства с мелким углем. Вещи, находимые в этих могилах, также подобны одни другим, только в самых древних они все медные, а в новейших перемешаны с железными или все железные вещи эти суть шлемы, бердыши, колья, стрелы разных форм, кинжалы, оправа седел, удила, сосуды, иногда серебряные, круглые металлические зеркала, бляхи с изображением или изображающие животных и людей, грубой работы, подвески, серьги, кольца, погремушки и т. п.» [Там же, с. 27]. Данное описание, наряду с подобными ему, примечательно своим сходством с описанием погребального обычая заволоцкой чуди, хоронившей умерших в срубных могилах, нередко с деревянными перекрытиями, куда клали и оружие покойного, его орудия труда, украшения. Со временем вследствие оседания почвы, естественных размывов и массовой распашки берегов рек и озер позднейшее население наталкивалось на совершенно чуждый ему обряд захоронения, на базе которого, по мнению исследователей, и сложился мотив самопогребения чуди (см.: [Лашук, с. 213]).

Предание о чуди, приуроченное к курганам в окрестностях слободы Такмыцкой Тарского уезда Тобольской губернии, сообщает священник Т. Попов:

«Если верить преданию, Такмыцкая слобода стоит на месте, где было кочевье одного из древних племен. Предание это основано на множестве курганов или круглых насыпей, расположенных от самой слободы вдоль берега (Иртыша. — В. К.), (...) по Томскому тракту, от Такмыцкой, в верстах 16-ти есть 2 кургана аршин около 6-ти, а по Омскому, на таком же расстоянии, — от 2-х до 3-х аршин. (...)»

Самое же предание держится, в свою очередь, на следующем поверье. „Чудь, нехристь, жившая доселева здесь, заметив появление между красным (хвойным) лесом березника, крепко призадумалась, почуяв какую-то для себя перемену. Обратилась к своим прорицателям, которые и объявили им, что близко время, когда этими местами будет владеть Белый царь. И вот, не дожидаясь исполнения предсказания, одни из них ушли в дальние степи, а другие, не желая, вероятно, расставаться со своими родными жилищами, зарылись со всем имуществом в землю“.

Старики это поверье подтверждают многими кладами, будто бы зарытыми в курганах и являющихся их дедам и отцам под видом животных или горящих свечей» [Попов, с. 20].

О курганах в Шадринском уезде Пермской губернии и приуроченных к ним народным рассказам о чуди сообщает крестьянин-краевед А. Зырянов:

«Все тринадцать волостей Шадринского округа имеют по нескольку курганов. Обыкновенно курганы находятся вблизи рек и речек. (...) У русских поселенцев курганы называются *могилицами чудаков*. По рассказам шадринских крестьян, чудь, или чудаки, были ожесточенными врагами христианства и его последователей. Они устроили для себя насыпи на деревянных столбах и заключились там: но эти насыпи или сами на них обрушились, или же в некоторых местах сами чудаки подрубили столбы и погибли под обрушившеюся землею.

Вместе с чужаками, по народным преданиям, под насыпями или могилицами остались и их сокровища. Действительно, в курганах находимо было много вещей, как я часто слышал от старожилов. Находки состоят обыкновенно из серебряных и медных украшений от седел и узд, из обломков стрел и копий» [Зырянов, с. 130–131].

О курганах за селом Боровским Боровской волости Ишимского уезда Тобольской губернии и приуроченном к ним поверье о чуди в своих путевых заметках, опубликованных сначала в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1863, № 270, с. 1097), а затем изданных отдельной книгой (1872), пишет и русский офицер и ученый С. И. Турбин:

«Дорога, проложенная невдалеке от левого берега р. Ишима (приток Иртыша. — В. К.), идет по местности слегка волнистой. Земля превосходная. За селом Боровским начинается ряд курганов. Это первые курганы, которые я встретил в Сибири. Между местными жителями ходит поверье, что здесь прежде, когда-то, очень давно, жили какие-то *чужаки* или *чудь*, устроивавшие свои жилища под землею, и что, не снеся русского духа, они подрубили подпорки и были задавлены обрушившеюся землею. В видах подтверждения этого предания ссылаются на то, что в курганах находят бревна, человеческие кости, посуду и разную домашнюю утварь» [Турбин, с. 66].

Приуроченные к курганным памятникам повествования о чуди содержат, как видим, комплекс мотивов, связанных с самопогребением чуди. То же находим и в рассказах о чуди, связанных с городищами — остатками древних укрепленных поселений или городов, по большей части расположенных по берегам рек и обнесенных земляными валами и рвами. Одно из таких повествований было зафиксировано этнографом и фольклористом П. А. Городцовым в июне 1905 г. на р. Тобол (притоке Иртыша) в д. Чегановой Гилёволиповской волости Тюменского уезда Тобольской губернии (ныне д. Чеганова Ярковского района Тюменской области):

«Деревня Чеганова Гилёволиповской волости Тюменского уезда раскинулась на песчаной и холмистой местности, составляющей часть невысокого, но длинного увала, или, по местному выражению, гривы; увал этот идет с северо-востока на юго-запад и покрыт сосновым лесом. (...) Я случайно набрел на это место во время моих прогулок в окрестностях деревни Чегановой и сразу же понял археологическое его значение⁸.

⁸ Рассказ о чуди предварен собирателем подробным описанием самого городища, которое может представлять самостоятельный интерес ввиду дальнейшей судьбы этого археологического объекта: «В юго-западной части увал оканчивается обрывистым песчаным откосом, спускающимся к озеру — рукаву реки Тобола. Песчаный этот обрыв дает возможность определить залегающий в верхней части его культурный слой значительной толщины. На песке я без труда усмотрел громадное кострище и неподалеку от него два других кострища поменьше. (...) На этом месте разбросано много осколков глиняной посуды, несомненно, древнего происхождения, орнамент посуды разнообразен; встречается точечный, пунктирный орнамент, а также в форме ломаного зигзага и в виде параллельных черточек. (...) Никаких других изделий: кремневых, костяных и металлических — я не нашёл. На руках у местных крестьян в настоящее время тоже не имеется никаких вещей» [Городцов, с. 112].

Я стал беседовать с крестьянами о значении этого места и услышал рассказ о чуде, древнем народе, обитавшем на этом увале и исчезнувшем при появлении русских. Вот этот рассказ.

Во времена очень древние, когда в этих местах не было не только русских, но и татар, на увале жил дикий народ чудь. Люди этого народа были ростом малы, почти что в половину роста наших русских людей, не больше, как аршина в полтора величину. „Чудь“ были люди дикие и жили в землянках, которые они строили так: копали яму в земле, посредине ямы ставили столб, на котором закрепляли жерди и доски для крыши; сверху засыпали крышу землей, и жилище готово. По-видимому, люди эти были богатые — у них было много серебряной и медной посуды; осколки этой посуды иногда находили местные крестьяне. Несомненно, „чудь“ занималась хлебопашеством, так как иногда крестьяне находили железные сошники, причем сошники эти были крайне малого размера, не больше кисти руки взрослого человека, и можно поэтому полагать, что „чудь“ еще не знала лошадиной тяги и пахала землю не лошадьми, а на себе.

В те времена в здешних местах рос только красный лес, чернолесья же и особенно березы люди совсем не знали и не видали. С течением времени в лесах появилось белое дерево — береза, и „чудь“ стала размышлять о значении этого небывалого явления, и по рассуждению решила, что появился белый царь, который овладеет этими местами, подобно тому как белое дерево распространило свое владычество в этих местах. „Чудь“ пришла в ужас от этого обстоятельства и порешила: лучше нам умереть своею смертью от своей руки, чем принять смерть от руки чужеземных пришельцев. И вот в один и тот же день „чудь“ собралась — каждая семья в свою землянку, забрали туда все свои пожитки и сокровища, подрубили столбы, крыша рухнула и задавила дикарей. Так прекратила свое существование чудь» [Городцов, с. 112–113].

Сообщение собирателя завершается важным для нас указанием на популярность подобных повествований в данной местности: «Легенда о чуде имеет громадное распространение в пределах Тобольской губернии и известна чуть ли не в каждой деревне. Даже в городе Тюмени ее знают и приурочивают к так называемому Цареву городищу» [Там же, с. 113–114]. Однако нужно уточнить при этом, что к конкретному приведенному исследователем рассказу о чуде упомянутый им памятник археологии в г. Тюмени «Царево городище»⁹ отношения не имеет. Как видно из сообщенных сведений, публикуемый собирателем рассказ приурочен к обнаруженной и описанной им археологической находке рядом с деревней Чегановой. Много позднее, начиная с середины 80-х гг. XX в., этот археологический объект, с которым связано бытование приведенного выше повествования о чуде, — городище Чеганово 3, памятник сузгунской культуры эпохи поздней бронзы, — был исследован и описан

⁹ Царево городище — памятник археологии, известный также как Чимги-тура (Чинги-тура) — столица Тюменского улуса Золотой Орды, впоследствии Сибирского ханства; в 1586 г. на месте Чинги-Туры был основан город Тюмень (сейчас этот район Тюмени называется Городищем). О памятнике см., например: [Тюменское и Сибирское ханства, с. 172–177].

специалистами-археологами (см.: [Зими́на, Зах, Скочина, Колмогоров, Галкин, Аношко]).

Интересная фиксация приуроченного к городищу повествования о чуде была выявлена нами среди собранных учителем Курганского училища Ф. К. Зобниным (который с 1888 г. по заданию Русского географического общества изучал крестьянский быт и историю Западной Сибири) материалов, хранящихся в Санкт-Петербурге, в фондах Архива Русского географического общества (АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 37. С. 218–222). Рассказ под названием «Описание городища» был записан им в июне 1892 г. в Тюменском округе Тобольской губернии среди жителей слободы Усть-Ницынской (уроженцем которой собиратель являлся):

«В прежние времена на этих местах жила чудь, жилища которой представляли из себя шалаши на столбах с земляными крышами. Когда чудь услышала о приходе в ее землю какого-то воителя, то подрубила столбы своих шалашей и живо схоронила себя. Так образовались городище и бугры (курганы)! И долго потом, как говорили старики, над этими буграми теплились свечки, по ночам, как признаки зарытого клада!»¹⁰

Приведенный рассказ исследователь дополнил описанием расположенного верстах в трех к востоку от селения, за речками Турой и Ницой (бассейн Иртыша. — В. К.), места, носящего у жителей слободы название городища, и рисунком с подробным указанием его размеров и формы. Хотя сообщение собирателя не содержит свидетельств реальности существования этого городища («городище никаких остатков былого не представляет и в настоящее время густо заросло молодым осинником и высокою зеленою травою; было ли оно когда разрываемо — точных известий не сохранилось»¹¹), для местных жителей описанный объект являлся, по-видимому, той реалией, которая поддерживала их представления о самопогребении чуди.

Еще одна группа сибирских повествований о чуде связана со следами древних рудных разработок на этой территории. Мотива самопогребения они не содержат. Пример — рассказ о руднике «Чудак», зафиксированный священником Б. Г. Герасимовым в Змеиногорском уезде Томской губернии:

«Верстах в 12 от села Красный Яр на Иртыше находится давно уже заброшенный рудник Чудак. Название рудника объясняет следующая легенда. Когда в первый раз приступили к разработке руды, то на месте раскопок оказались чудские могилы, т. е. могилы давно исчезнувшего племени „чудь“. В некоторых могилах (курганах), по преданию, хранились клады, о чем узнали в народе по огонькам, светившимся по ночам над этими курганами. В шахте, которая была разработана в земле, нередко „чудилось“. Иногда в горе (шахте) раздавался шум и какое-то хлопанье. Особенно

¹⁰ АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 37. С. 222.

¹¹ Там же. С. 221.

жутко было по ночам. Рабочих преследовали разные страшные видения... Невидимая сила выживала незваных гостей.

Все это дало основание назвать рудник Чудаком» [Герасимов, с. 14].

Известны поверья о чуди, приуроченные к древним наскальным письменным памятникам и обработанным каменным изделиям. Мотива самопогребения в них также нет. Пример — сообщение о селе Писанце Ирбитского уезда Пермской губернии местного краеведа И. Булычева, опубликованное сначала в «Пермских губернских ведомостях» (1866. № 75), а затем перепечатанное Д. Смышляевым:

«Село получило название от „Писанаго камня“, находящегося на берегу Ирбити. Камень этот известкового строения, возвышающийся сажень на 5 над рекою, занимает к стороне реки место около квадр(атной) сажени. Красные начертания, которыми он покрыт, изображают фантастические фигуры. Предание говорит, что изображения сделаны кровью чудского князька, убившегося здесь со своей лошадью и погребенного под камнем. По замечанию г. Булычева, надпись, в продолжении 10 лет, значительно сгладилась... В пещере, около Писанца, найдены медные наконечники, стрелы и копья» [Смышляев, с. 16].

Как видим, сибирские повествования о чуди, зафиксированные в сколько-нибудь полной форме, содержат указания на приуроченность их к конкретным археологическим объектам в Сибири. Как и в летописных сибирских упоминаниях о чуди, повествования устной прозы не содержат указаний на этническую ее принадлежность. Заметно при этом совпадение территории бытования устных рассказов о чуди с отмеченной в летописных источниках — по течению реки Иртыша и его притоков.

В упоминавшейся уже работе В. М. Флоринского обзор курганов Западной Сибири предварен им перечислением находящихся на территории Сибири «памятников давно прошедшей жизни», которые поделены исследователем на несколько групп: 1) множество древних могил или курганов, рассеянных по всем областям Западной и Восточной Сибири; 2) городища или древние укрепленные пункты, большею частью расположенные по берегам рек и обнесенные земляными валами и рвами; 3) следы развалин древних каменных городов, «встречающиеся преимущественно, если не сказать исключительно, в южных областях Семипалатинской и Семиреченской»; 4) следы древних рудных разработок; 5) письменные памятники на скалах и обработанных каменных изделиях (см.: [Флоринский, с. 1]). Примечательно, что группы, на которые делятся приведенные нами выше сибирские формы повествований о чуди, практически полностью совпадают с указанными В. М. Флоринским группами археологических памятников на территории Сибири (за исключением развалин каменных городов).

Указанные археологические памятники, по наблюдениям исследователя, не рассеяны повсеместно, а расположены преимущественно на правом берегу Иртыша и группируются по известным участкам, представляющим как бы отдельные оазисы (см.: [Флоринский, с. 6, 9]). Поскольку повествования о чуди привязаны к конкретным археологическим объектам, то и они распространены не повсеместно, в их бытовании наблюдается та же «очаговость». Подобные, связанные с локализацией повествований о чуди закономерности отмечаются и на европейской территории России, на Русском Севере, см.: [Смирнов, с. 60–61].

Следует оговорить особенность сделанных в XIX — начале XX в. фиксаций преданий о чуди. Все они являются не подлинными записями, а пересказом, переложением слышанного, возможно, сводными вариантами. Следствием этого является контаминированный характер представленного тем или иным собирателем текста. Так или иначе, в указанных сибирских вариантах мы находим следующие основные комплексы мотивов: следы пребывания чуди на данной территории (чудские бугры, могилы, городища, рудники); появление березы (белого дерева или белого леса)¹², что предупреждает о скором приходе белых людей / белого царя¹³; самопогребение чуди, убегающей от крещения или иной опасности; чудские клады, на которые указывает появление огней в виде свечи. Перечисленные мотивы хорошо известны в подобных повествованиях на Русском Севере, на Урале, в Западной и Восточной Сибири.

Предание о чуди, несомненно, было перенесено на Урал и в Сибирь из европейской части страны, точнее, с Русского Севера. Однако сибирские варианты поверий о чуди (и летописные, и устные) органично привязаны к местной географии, местным сибирским реалиям и археологическим памятникам, расположение которых и определяет ареалы бытования таких повествований на территории Сибири.

Литература

Агеева — Агеева Р. А. Об этнониме *чудь* (*чухна, чухарь*) // Этнонимы: Сб. ст. / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 194–203.

Байдин — Байдин В. И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале: историко-биографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 208 с.

¹² О белой березе в преданиях о чуди см.: [Феоктистова].

¹³ Заметим, что в других традициях указанием на необходимость самопогребения может стать появление не белого царя, а иные знаки: например, в некоторых коми легендах сигналом к самопогребению чуди служит появление Стефана Пермского, см.: [Коми легенды, с. 21; Лимеров, с. 77].

- Березович — *Березович Е. Л.* Чудь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2014. Т. 5. С. 560–562.
- Герасимов — *Герасимов Б.* Из мира легенд и недавнего прошлого: (Этнографические мелочи) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Семипалатинск, Типолит. торгового дома «П. Плещеев и Ко», 1909. Вып. 4. С. 1–18 (8-я pag.).
- Горелов — *Горелов А. А.* Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1995. Т. 28: Эпические традиции. С. 97–110.
- Городцов — *Городцов П. А.* Чудь (Западно-Сибирская легенда) // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2 (Кн. 68–69). С. 112–114.
- Гуляев — *Гуляев С. И.* Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. 90, вып. 10. С. 50–142.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 4. 684 с.
- Древние российские стихотворения — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 487 с.
- Евгеньева, Путилов — [*Евгеньева А. П., Путилов Б. Н.*]. Комментарии // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 425–460.
- Зими́на, Зах, Скочина, Колмогоров, Галкин, Аношко — *Зими́на О. Ю., Зах В. А., Скочина С. Н., Колмогоров П. А., Галкин В. Т., Аношко О. М.* Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 58–72.
- Зырянов — *Зырянов А.* Заметки о курганах в Шадринском уезде // Пермский сборник. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. языков, 1859. Кн. 1. Отд. I. С. 130–131.
- Коми легенды — Коми легенды и предания / Вступ. ст., сост., примеч. и пер. Ю. Г. Рочева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 176 с.
- Костров — *Костров Н. А.* Путешествие по Томской губернии его императорского высочества государя великого князя Владимира Александровича в июне и июле 1868 г. Томск: Тип. губ. правления, 1868. 83 с.
- Лашук — *Лашук Л. П.* Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 208–216.
- Лимеров — *Лимеров П. Ф.* Путешествия Степана-чудотворца: к вопросу о топонимическом мотиве в легендах о христианизации коми // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 76–83.
- Ожегов — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
- Попов — *Попов Т.* Слобода Такмыцкая (Тарского округа, Тобольской губ.) // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 4. С. 19–22.
- Потанин — *Потанин Гр.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб.: Тип. В. Головина, 1864. Вып. 6. С. 1–154.

- Путилов — *Путилов Б. Н.* «Сборник Кирши Данилова» и его место в русской фольклористике // *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым* / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 361–404.
- Ромодановская — *Ромодановская Е. К.* «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака» // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. С. 194–195.
- Сибирские летописи 1987 — *Сибирские летописи*. Ч. 1: Группа Есиповской летописи // ПСРЛ. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.
- Сибирские летописи 1907 — *Сибирские летописи* / Изд. Имп. Археол. комис. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. XXXVIII, 397 с.
- Словарь русского языка XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 393 с.
- Смирнов — *Смирнов Ю. И.* Самопогребение чуди // *Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 г.)*. / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. С. 58–64.
- Смышляев — [*Смышляев Д.*] Источники и пособия для изучения Пермского края / Собр. Д. Смышляев. Пермь: Тип. губ. земской управы, 1876. 280 с.
- Турбин — *Турбин С.* Страна изгнания и Исчезнувшие люди: Сибирские очерки. СПб.: Изд. книгопродавца К. Н. Плотникова, 1872. 367 с.
- Тюменское и Сибирское ханства — *Тюменское и Сибирское ханства* / Под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
- Феоктистова — *Феоктистова И. К.* Предание о белой березе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 3 (248). С. 263–269.
- Флоринский — *Флоринский В. М.* Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1889. 72 с.

References

- Ageeva, R. A. (1970). 'Ob etnonime chud' (chukhna, chukhar)' ['About Ethnonym Chud (Chukhna, Chukhar)'], in: Nikonov, V. A., ed., *Etnonimy. Sbornik statei* [Ethnonyms. Collection of articles]. Moscow: Nauka Publ., 194–203. (In Russ.)
- Baidin, V. I. (2015). *Kirsha Danilov v Sibiri i na Urale: istoriko-biograficheskie etiudy* [Kirsha Danilov in Siberia and the Urals: Historical and Biographical Sketches]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2015. 208 p. (In Russ.)
- Barkhudarov, S. G., ed., (1978). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Nauka Publ. Iss. 5, 393 p. (In Russ.)
- Berezovich, E. L. (2014). 'Chud', in: Tolstoy, N. I., ed., *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. Vol. 5, 560–562. (In Russ.)
- Dal', V. I. (1994). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vols. Moscow: TERRA Publ. Vol. 4, 684 p. (In Russ.)
- Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N., eds. (1977). *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Old Russian Poems, Collected by Kirsha Danilov]. 2nd ed., comp. Moscow: Nauka Publ., 487 p. (In Russ.)

- Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N. (1977). 'Kommentarii' ['Comments'], in: Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N., eds., *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Old Russian Poems, Collected by Kirsha Danilov]. 2nd ed., comp. Moscow: Nauka Publ., 425–460. (In Russ.)
- Feoktistova, I. K. (2011). 'Predanie o beloi bereze' ['The Legend of the White Birch'], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (248), 263–269. (In Russ.)
- Gorelov, A. A. (1995). 'Kirsha Danilov — real'noe istoricheskoe lits'o' ['Kirsha Danilov as a Real Historical Figure'], in: *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniia. Vol. 28. (Epicheskie traditsii)* [Russian Folklore: Materials and Research. Vol. 28. Epic Traditions]. St. Petersburg: Nauka Publ., 97–110. (In Russ.)
- Likhachev, D. S., Adrianova-Peretts, V. P., eds. (1996). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. 2nd ed., corr. and comp. St. Petersburg: Nauka Publ., 668 p. (In Russ.)
- Limerov, P. F. (2012). 'Puteshestviia Stepana-chudotvorts'a: k voprosu o toponimicheskom motive v legendakh o khristianizatsii komi' ['The Travels of Stepan the Miracle Worker: On the Toponymic Motif in Legends of the Christianization of the Komi'], *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 1 (17), 76–83. (In Russ.)
- Masliuzhenko, D. N., Sitdikov, A. G., Khairutdinov, R. R., eds. (2018). *Tiumenskoe i Sibirskoe khanstva* [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 560 p. (In Russ.)
- Putilov, B. N. (1977). '«Sbornik Kirshi Danilova» i ego mesto v russkoi fol'kloristike' ['Kirsha Danilov's Miscellany and its Place in Russian Folklore Studies'], in: Evgen'eva, A. P., Putilov, B. N., eds., *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Old Russian Poems, Collected by Kirsha Danilov]. 2nd ed., comp. Moscow: Nauka Publ., 361–404. (In Russ.)
- Rochev, Iu. G., ed. (1984). *Komi legendy i predaniia* [Komi Legends and Narrations]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 176 p. (In Russ.)
- Romodanovskaia, E. K. (1993). 'Kratkoe opisaniie o Sibirstei zemli i o pokhozhdenii atamana Ermaka' [A Brief Description of the Siberian Lands and the Adventures of Ataman Ermak'], in: Likhachev, D. S., ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. Iss. 3: (XVII v.), pt. 2, 194–195. (In Russ.)
- Smirnov, Iu. I. (2002). 'Samopogrebenie chudi' ['Self-burial of the Chud'], in: Drannikova, N. V., ed., *Narodnye kul'tury Russkogo Severa* [Folk Cultures of the Russian North]. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet Publ., 58–64. (In Russ.)
- Zimina, O. Yu., Zakh, V. A., Skochina, S. N., Kolmogorov, P. A., Galkin, V. T., Anoshko, O. M. (2006). 'Gorodishche Cheganovo 3 v Nizhnem Pritobol'e' ['The Cheganovo 3 Settlement in the Lower Tobol Region'], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 6, 58–72. (In Russ.)